

МОНАСТЫРЬ ДЭЖЭЛИН В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ (по материалам экспедиции в Убсунурский аймак в 2013 г.)*

Среди старинных монастырей Западной Монголии выделяется Дэжэлин (Дэжайлин хийд), расположенный в Хяргас сомоне Убсунурского аймака. Хяргас сомон основан в 1931 г., его население — 80,5 тыс. человек по состоянию на 2009 г. [Очерки Западной Монголии 2012: 75]. Территория аймака богата железной и медной рудой. Крупнейшее озеро — Хяргас (монг. Хяргяс нуур) — бессточное, соленое, расположено в Котловине Больших озер [www.uvsnutag.mn].

Монастырь основан в 1875 г. [ПМА] (по другим данным — в 1814 г. [Майдар 1970: 215]) на реке Байца, в кочевьях баитов.

Покровитель монастыря — божество Балдан Лхамо, которая считается защитницей всех монастырей аймака [ПМА]. В буддийском пантеоне этот персонаж ранга дхармапал (монг. догшид) считается охранителем веры и учения и связан с древним культом божества-праматери. Как определяет А. М. Позднеев, докшиты — это собственно будды и бодхисаттвы, «хранители внешнего мира», их насчитывается немалое число, среди которых есть и «Ухин-тэнгри (монг. Охин тэнгри, тиб. Лхамо)» [Позднеев 1993: 307]. В изображениях на живописных иконах — танка — ее можно встретить в свите Джамсрана (монг. Эгэчи Дуу), она, согласно описанию А. М. Позднеева, стоит «по правую сторону этого бурхана», трехликая, с «зубами белыми, как раковина, с изумрудными бровями и огненными волосами, украшенными яшмою и лазуриком <...>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-21-03003.

в правой руке находится поднятый на врагов веры медный меч, а в левой — железный гвоздь, приколачивающий к одному месту препятствия (к спасению)» [Позднеев 1993: 330]. Надо сказать, что «отправление докшитских хуралов <...> началось в Монголии собственно не ранее 70-х годов прошлого столетия (XVIII в. — К.О.) <...> С тех пор докшитское служение совершается в Халхе всегда в первой половине дня, хотя может продолжаться и до глубокой ночи» [Позднеев 1993: 320, 322]. Исследователи указывают на ряд ее форм (Мачид Бэл Лхамо, Барджи Лхамо, Дуйши Лхамо и др.) и определяют как «Великая хозяйка жизни», «Сиятельная богиня воительница», «защитница Учения» и др. [Жуковская 1977: 19; Сыртыпова 2003: 78, 171].

Калмыки почитают Лхамо (калм. Окн тенгр) как «хозяйку домашнего очага; богиню, спасающую род человеческий от исчезновения; покровительницу плодородия и возрождения жизни» [Бакаева 2004: 184; Батырева 1991: 13]. Также эта небесная дева (или Дева-Небо) ассоциируется с культом огня и с праздником Цаган сар [Бакаева 2003: 182–183]. В канун Цаган сара ее торжественно встречают, читаются молитвы. В Монголии на 15-й лунный день Цаган сара читаются гимны докшитам, в частности Охин тенгри [Позднеев 1993: 282]. Существуют разные сюжеты об освобождении небесной девы от мангусов и ее возвращении домой [Бакаева 2003: 183, 184]. Надо отметить, что «в добуддийской мифологии западных бурят <...> она может вызывать болезни, падеж скота, смерть и бесплодие, особенно опасна для беременных женщин», хотя сейчас подобное понимание этого образа практически не встречается [Сыртыпова 2003: 129]. У калмыков же она еще имеет и «образ милостивой богини» [Бакаева 2003: 183].

Судьба монастыря, по большей части трагичная, заслуживает углубленного исследования. В 1911 г., согласно описаниям А. В. Бурдукова, именно в Дэжэлин монастыре нашли укрытие китайские чиновники и торговцы, подвергшиеся изгнанию из страны. Повстанцы «разогнали скот, отобрали товары и сожгли книги», китайские торговцы в панике бежали, укрывшись временно в Дэжээлин монастыре. Погромы китайских факторий (Да Шэн-ху,

Тянь И-дэ, Юань Шэн-дэ), часть которых располагалась в низовьях реки Тэс, начали урянхайцы, затем к ним присоединились байты. Укрывшимся в монастыре китайцам повстанцы выдвинули ультиматум — «выдать торговые книги, угрожая, в случае отказа, разгромить монастырь» [Бурдуков 1969: 54]. Дело заключалось в том, что китайские лавочники, агенты крупных фирм, мелкие торговцы сбывали местному населению шелковые и хлопчатобумажные ткани, чай, табак, глиняные изделия, предметы домашнего обихода в долг, а сумму долга записывали в торговые книги. Причем погашать долг араты должны были под высокий процент (обычно он устанавливался под 36%) «определенным видом сырья или скота». Если кредит не погашался в установленное время, «сумма процента прибавлялась к общему долгу, и начислялся новый процент на общую сумму» [История МНР 1967: 205]. В конечном счете представители местного населения становились должниками, а как результат — «нищими и пастухами чужих стад» [История МНР, 1967: 205]. Вот почему повстанцы требовали торговые книги, а получив их, сжигали. Так действовали араты практически во всех аймаках Западной Монголии. Все это выразительно показывает А. В. Бурдуков: «под вечер подъезжали несколько монголов, начинали кричать, ругаться, требовать, чтобы китайцы скорее уходили <...> Китайцы убегали, добро их растаскивалось, конторские книги, как правило, сжигались». А вот как автор описывает разгром фактории Да Шэн-ху: «<...> помещения сожжены, у кладовых крыши провалились, двери выломаны, пшеница, ячмень, немного муки рассыпаны, очевидно их не успели растащить. Жуткое впечатление усиливали два огромных черных цепных пса, погибавших, видимо, голодной смертью. Услышав наши шаги, они едва-едва залаяли, пытаясь охранять разрушенное пепелище. Громить эту факторию приходили большой ватагой урянхайцы и байты, конечно, не без участия и местных сартульцев» [Бурдуков 1969: 54, 55, 63].

Другой интересный факт из жизни описываемого байтского монастыря также представлен А. В. Бурдуковым, и связан он с Джа-ламой (Дамби-Джалцаном) и Джалханза-гэгэном. В феврале

1911 г. по дороге на Хангельцикскую факторию (т. е. к себе на зимку) Бурдуков познакомился с двумя ламами, один из которых явно заинтересовал его как «человек бывалый, знающий не только Монголию, но также и Китай, осведомленный о России». Он-то и оказался Джа-ламой, тесное общение с которым продолжалось около двух лет. Джа-лама оказался грамотным человеком, знал китайский, тибетский языки, довольно посредственно говорил по-русски. По мнению Бурдукова, в нем наблюдались следы русофильства: он любил хлеб, масло, «вообще русский стол, жену Бурдукова попросил сшить русскую рубаху, ходил в русскую баню» [Бурдуков 1969: 66]. Его любовь ко всему русскому выразилась однажды и в том, что на представление цама баитские князья прибыли «кто в русских сапогах, кто в русской шляпе или фуражке» [Бурдуков 1969: 98]. Со временем Дамби-Джамцан построил перед своей ставкой искусственный водоем: баитские ламы из Дэжэлин монастыря после молебствий помогали ему в строительстве. Что интересно — чистота в ставке Дамби-Джамцана послужила примером и для монастыря Дэжэлин, «узкие улочки и площадь которого приняли необычайно чистый вид» [Бурдуков 1969: 97]. Тогда же в присутствии Джа-ламы в Дэжэлин монастыре тибетец Гачин-лама устроил мистерию цам, на который собрались местные жители, знатные баитские князья и чиновники.

Неоднократно в Дэжэлин монастыре останавливался Джалханза-гэгэн, перерожденец, один из влиятельнейших иерархов буддийской церкви в Монголии, особо чтимый в Западной Монголии. Там же неоднократно Бурдуков встречался с гэгэном, фотографировал его. Во время приезда его очень радостно приветствовали и местные жители, а в «монастыре царило большое оживление, какое бывает обычно на ярмарке <...> на юго-восток от монастыря на пригорке у ключика стояло несколько шатров, палаток, прекрасных войлочных юрт», в одной из которых и поселился гэгэн [Бурдуков 1969: 75].

Дальнейшие события в Монголии самым трагичным образом сказались и на буддийской церкви. В 1938 г. унзад Дамбий в последний раз провел службу, после чего на долгие годы монастырь

был закрыт [Арван баядын гал 2012:34]. Какое-то время в монастыре располагался склад, затем магазин. Закрытие монастырей проходило в Монголии повсеместно и было связано с «левым уклоном».

В том же, 1938 г., Дэжэлин монастырь был разрушен. Начало массового уничтожения монастырей было положено в середине 20-х гг. XX столетия, когда лам насильственно обращали в мирян, личное и монастырское имущество (скот, храмы) облагалось налогом. В 1925 г. начала проводиться борьба с «левыми уклонистами», которые, по мнению руководства Монгольской народно-революционной партии (МНРП), «извращали политику партии в отношении религии» [История 1967: 336]. Основная мотивация проводимой государственной политики состояла в том, что простое, или «низшее», звено ламства нещадно эксплуатировалось его верхушкой. С 1932 г. по 1939 г. общее число арестованных лам составляло свыше 50 тыс., примерно половина из них были расстреляны. В период с 1929 по 1932 г. в Западной Монголии было выявлено несколько групп лам, организовавших мятежи (впоследствии они были ликвидированы). Самым крупным восстанием стал мятеж в монастыре Тугс буянтын хурэ (основан в 1745 г.), располагавшемся в сомоне Тургэн (местность Дэлгэр мурэн) Убсунурского аймака [Майдар1970: 215]. Мятеж распространился и на другие аймаки Монголии. Это событие послужило поводом к полному запрету буддийской религии в стране.

В 1990-е гг. началось восстановление монастыря Дэжэлин верующими, которые обратились к старейшему ламе Ганболдын Сид с просьбой указать место строительства. Г. Сид в шестилетнем возрасте начал обучаться в Дэжэлин монастыре, в 15 лет был направлен в Их хурэ (Урга, Улан-Батор) в дацан Идгай Чойзолин монастыря Гандантэгчинлин для изучения буддийской философии. В 1937 г. был арестован, в 1940 г. освобожден, в 1960 г. — реабилитирован [Арван баядын гал 2012: 84]. Судьба еще раз свела Г. Сиду с местом обучения, дацаном Идгай Чойзолин: в начале 1990-х гг. он занимался его возрождением, проводил богослужения в качестве ламы. Когда пришло время возрождать Дэжэлин

монастырь, Г. Сид осмотрел несколько мест и указал на территорию рядом с музеем [Арван баядын гал 2012: 34]. Многие жители участвовали в строительстве, помогали кто чем мог — деньгами, строительными материалами и др. В день открытия монастыря собрались жители из близлежащих сомонов (Наранбулаг, Цагаанхайхан, Тэс), из аймачного центра г. Улангома, ламы читали священные буддийские тексты «Алтан гэрэл», «Сундуй». Возглавил Дэжэлин монастырь Б. Алдар, в настоящее время хамбо-лама — Довдоны Сухэ (74 года) [ПИМА]. Ныне в штате монастыря семь лам и пять учеников. Возрождение Дэжэлин монастыря продолжается.

Литература

- Арван баядын гал* голомт. Хяргасынхан-П. Дэлгэр, 2012. 227 с.
- Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство: Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М.: ГРВЛ, 1977. 199 с.
- История Монгольской Народной Республики.* Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1967. 537 с.
- Майдар Д.* Архитектура и градостроительство Монголии. М.: Стройиздат, 1970. 216 с.
- Очерки Западной Монголии. Традиции и современность.* Т. 1. Кемерово: Примула, 2012. 206 с.
- Сыртыпова С.-Х.* Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники). М.: Издат. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2003. 238 с.
- Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 512 с.
- Увс аймак [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uvsnutag.mn> Дата обращения: 25.08.2013.